

Юрий Брилл

И
М
П
Е
Р
И
Я

И
Н
К
О
В

ЭКСКУРСИЯ

В ТАУАНТИСУЙНУ

Записки
Вольного
Путешественника

Юрий Бриль

Экскурсия в Тауантисуйю

«Автор»

2026

Бриль Ю. Г.

Экскурсия в Тауантисуйю / Ю. Г. Бриль — «Автор», 2026

Юрий Бриль Писатель и путешественник, автор многих произведений документальной и художественной прозы. Э-Э, и куда только не ступали эти сапожищи. Искал приключения – и получил их по полной в Перу. Угрозило поучаствовать в шаманском ритуале и провалился в империю Инков. Что особенного, народ кечуа и сегодня считает, что время течет циклически: вперед, назад и опять вперед. Мало не нравится Уважай порядки страны, куда тебя занесло. Провалился – сиди тихо, не высывайся. Чужая страна, чужое время, не знаешь законов и традиций – неизвестно откуда прилетит. Так нет освоился и даже попытался изменить ход истории. Ему, видите ли не нравится, что Колумб открыл Америку. Потому попытался ее закрыть. Возможно ли такое? Штука в том, что он гулял по сельве не сам по себе, а с Айяуской. Поймете, кто такая и поверите в ее невероятные возможности. Приключения описаны с документальной точностью. Повесть уже оценили любители историй про попаданцев читатели журналов «Искатель» и «Уральский следопыт».

© Бриль Ю. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	6
Кориканча	8
Небесная пума	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юрий Бриль

Экскурсия в Тауантисуйю

Глава

Кориканча

Я окунулся в туристическую толчею, как в желанную пенистую морскую воду. Течение понесло по улицам древней столицы империи инков, мимо зданий времен конкистадоров, с оборочками фундаментов и фасадами древней доколумбовой кладки, мимо зазывно открытых магазинов и турбюро, мимо шелестящих зеленым листопадом обменных пунктов.

Что придает Куско особую живописную привлекательность — перуанские женщины. В красочных юбках, с обязательным платком-узелом за спиной и шляпой они особенно неотразимы, когда еще нянчат на руках младенца ламы. За небольшую плату они не прочь сфотографироваться. Повсюду шла бойкая торговля индейскими безделушками, шерстяными вязаными шапочками, кофтами, свитерами, пончо и т. д. Кипел и кружился пестрый туристический карнавал. О беспорядках, что случились в департаменте Мадре-де-Дьос, никто не поминал. Гремучие пампасы, из которых я только что вынырнул, никоим образом не соединялись с этим благополучным и открытым миром.

Меня прибило к Кориканче, откуда начинаются все экскурсии. Именно здесь по преданию обосновались Сапа Инка Манко Капак и его сестра-супруга Мама Окльо, построив первую хижину. В центре города на фундаментах разрушенного конкистадорами храмового комплекса был построен собор Святого Доминика. Туристы щупают безукоризненную древнюю кладку, удивляются мастерству, повторить которое никто теперь не сможет, перетирают легенды о былом великолепии Золотого сада. Кориканча (Золотой двор) был центром древнего мира, сравнить его можно лишь с храмом Соломона в Иерусалиме, от которого так же остались лишь часть фундаментов и стена. Чтобы увидеть это великое чудо и умереть счастливым, люди проделывали огромные расстояния.

Вот я здесь, в самом центре Куско, в самом сердце пумы. (Доколумбовый Куско очертаниями напоминал пуму). Я вышел на террасу храма и попытался представить, где у этой пумы голова, а где хвост. Головой была крепость Саксауаман, сохранились еще ее руины, хво-

стом — река Вилькамайю. Вокруг храмового комплекса, когда-то теснились дворцы вельмож, дома горожан, а если оглянуться назад, то ближе к хвосту можно было увидеть императорские склады, тюрьму... Испанцы неузнаваемо изменили облик Куско, он и дальше в течение последних 500 лет внешне менялся, но что-то в нем, в его древних камнях, все же осталось — загадочное и притягательное — видимо, где-то в душе он по-прежнему оставался пумой с сердцем Кориكانчей.

Собор святого Доминика

Я вернулся в хостел, присел на кухне, попросив хлопотавшую у газовой плиты приветливую женщину заварить мате де кока. Вскоре я получил чашку, затем вторую и третью.

Ко мне подсел с чашкой мате хозяин хостела, словоохотливый Григорио.

— Как тебе Куско?

— По правде сказать, впечатляет... Но представляю, каким он был!.. Приходится только сожалеть, что Колумб открыл Америку!

— Уж не хочешь ли ты ее закрыть? — хитро сощурился он.

— Я о том, что, если бы Америку открыли в наше время, разрушать храмы и дворцы никто бы не стал, тем более переплавлять бесценные художественные произведения в тупые слитки золота и серебра, и я бы увидел Храм Солнца во всем его блистательном великолепии.

Куско ночью

— Думаешь, человечество умнеет? Вся штука в том, что во времена конкистов не был развит туристический бизнес. Я в этом бизнесе уже 20 лет и замечу: именно туризм спасает мир от разрушения. Сохранять культурные ценности выгодно. Это приносит стабильный доход. И сегодня победил бы трезвый расчет: золото не тратится оттого, что на него смотрят зеваки. Показывай за деньги хоть тысячи лет... Хочешь экскурсию? — И он выложил передо мной кучу проспектов. — Выбирай. Рекомендую Мачу Пикчу, город открыли только в 1911 году, отлично сохранился.

— Мачу Пикчу у меня в плане, но для начала я бы хотел выяснить, можно ли здесь найти настоящего курандеро, чтобы поучаствовать в церемонии Айяуаски. Есть у тебя связи, Григорио? Организуй.

— Мм... такую экскурсию у меня никто не спрашивал. Дай время — я наведу справки.

— О'кей, я пошел спать. — Пока добирался в Перу, у меня произошла путаница со временем. Надо было иметь в виду, что разница с аргентинским временем в Боливии в 2 часа, а здесь, в Перу, — в 3. Часы в мобильнике я не переводил — получалось, что всю дорогу торопился жить.

Рано утром перед дверями хостела остановилась старенькая «японка», я погрузился в нее, и, громыхая по узким улочкам Куско, мы помчались через весь город, чтобы забрать еще поджидавшую на перекрестке женщину.

— Онкологическая, — пояснил Антонио, так звали водителя. — Она, как и ты, нуждается в лечении.

— С чего ты взял? Я здоров, как Маугли.

— Только за лечение может быть не жалко платить такие деньги!

— Не только, — возразил я. Всю дорогу мы философствовали на эту тему, и в итоге пришли к замечательному открытию: есть две вещи, за которые не жалко денег, лечение и выпивка, в чем и состоит диалектика жизни — гробить здоровье и восстанавливать его.

Деньги были не очень большие, даже со всеми комиссионными, полагавшимися всей цепочке посредников, от Григорио до курандеро. Выехав из Куско, мы поднялись на гору, с

которой открывался панорамный вид на город, на грозное небо, набухшее черными тучами. Я попросил Антонио остановиться на минуту, сделать снимок.

Тучи над Куско

Дальше ехали горной долиной, петляя вдоль речки. Часа через два мы въехали в небольшую деревеньку и остановились у крайнего дома, как и все остальные, сложенного из адобы (сырцового кирпича) и крытого тростником. Усадьбу курандеро отличала живописная зеленая лужайка с тропинкой к подвесному мостику через речку.

— Это Пома (с языка кечуа — пума), — представил Антонио вышедшего нам навстречу немолодого худощавого индейца, — потомственный курандеро.

— А Катари! — приветствовал он меня, как старого знакомого.

— Вообще-то я...

— Катари-Змей, — потрепал он меня за плечо.

Я не стал спорить, догадываясь, что новое имя на время экскурсии надо воспринимать как часть церемонии. Поговорив с онкологической, шаман приступил ко мне:

— Что болит?

— Не поверишь, но я чувствую себя превосходно.

— El helminto (глисты), — заглядывая мне в глаза, определил курандеро.

— Нет у меня глистов.

— У всех есть, а у тебя нет?! — настаивал шаман. — Даже у Сапа Инки Атауальпы был один.

— Откуда тебе известно?

— Иначе бы он не проиграл битву при Кахамарке.

— Пусть глисты, мы не гордые, — согласился я, — только не о том разговор. Видишь ли, Пома, я — путешественник, охотник за новыми впечатлениями, и у тебя я только потому, что слышал, будто Лоза Мертвых может быть гидом в труднодоступных местах, куда и самолетом не долететь.

— Она может, — кивнул Пома и, помыслив, добавил: — посоветоваться надо с дедушкой Вильяком Уму. — Он сходил в дом, вынес чичу в бутылочке из-под пепси и удалился в ветхий дощатый сарайчик.

Его не было довольно долго, и я, любопытствуя, заглянул в щель сарайчика — на стуле сидела мумия. Глаза, сделанные из раковины и цветного камня, жутко посверкивали в полумраке. Разглядел потрескавшееся, будто из глины, лицо мумии с отколотым кончиком носа, безгубый рот с янтарными зубами... Из-под мантии, расшитой в черную и желтую клетку, торчали терракотовые руки. Пома советовался с дедушкой на языке кечуа, подливая чичу на плоский камень алтаря перед ним. Послышались скрежещающие звуки, меня как ветром отнесло от сарайчика — дедушка явно что-то вещал, отвечая на вопросы Пома.

Дедушка Вильяка Уму

Я еще подумал: подобает ли мне, христианину, участвовать в столь сомнительных церемониях. Но любопытство все же взяло верх над религиозными условностями, и я вернулся на свое место, сел в позу лотоса, готовый к путешествию.

Онкологическая зря времени не теряла, достала веретено, наладилась прясть шерсть. Чем перуанские женщины выгодно отличаются от прочих, так это тем, что руки у них всегда заняты — и не мобильником! Либо прядут, либо вяжут, либо ткнут. Порядочная перуанка даже в магазин не выйдет без портативного ткацкого станочка за плечами. Семейка ламы, пощипывавшая травку на лужайке, подтянулась к ней. Лама-мама прилегла рядом, а кроха-лама забралась на колени.

Между тем до отправления на экскурсию было еще далеко. Пома взял две корзины, в одну положил кривой бронзовый нож туми, бутылочку с чичей и направился в сельву.

— Пома, я с тобой.

Пома критически окинул меня взглядом, покачал головой. Вернулся домой, вынес ворох индейской одежды.

— Переодевайся.

Я снял джинсы и рубашку, надел тунику, поверх нее плащ, на ноги усуту — сандалии из белой шерсти.

Из дома вышла жена Пома Коори (Солнце), придирчиво осмотрела меня, водрузила еще на голову шапочку чулью, повесила через плечо вязаный мешочек shuspas, плотно набитый листьями коки. Макнула палец в глиняную миску с киноварью, намазала мне краской лоб и щеки. Отступила на шаг, руки в боки, глянула, поцокала языком, довольная моим преображением.

— Сойдешь, Катари-Змей, за пайана (второстепенные, но не самые последние родственники Сапа Инки).

Переправившись на другой берег по зыбкому подвесному мостику, мы оказались в сельве.

Пома негромко напевал, приветствуя духов. Их было столько, сколько деревьев, травок, животных и букашек — и даже больше того, потому и песня была нескончаема. Ходить по

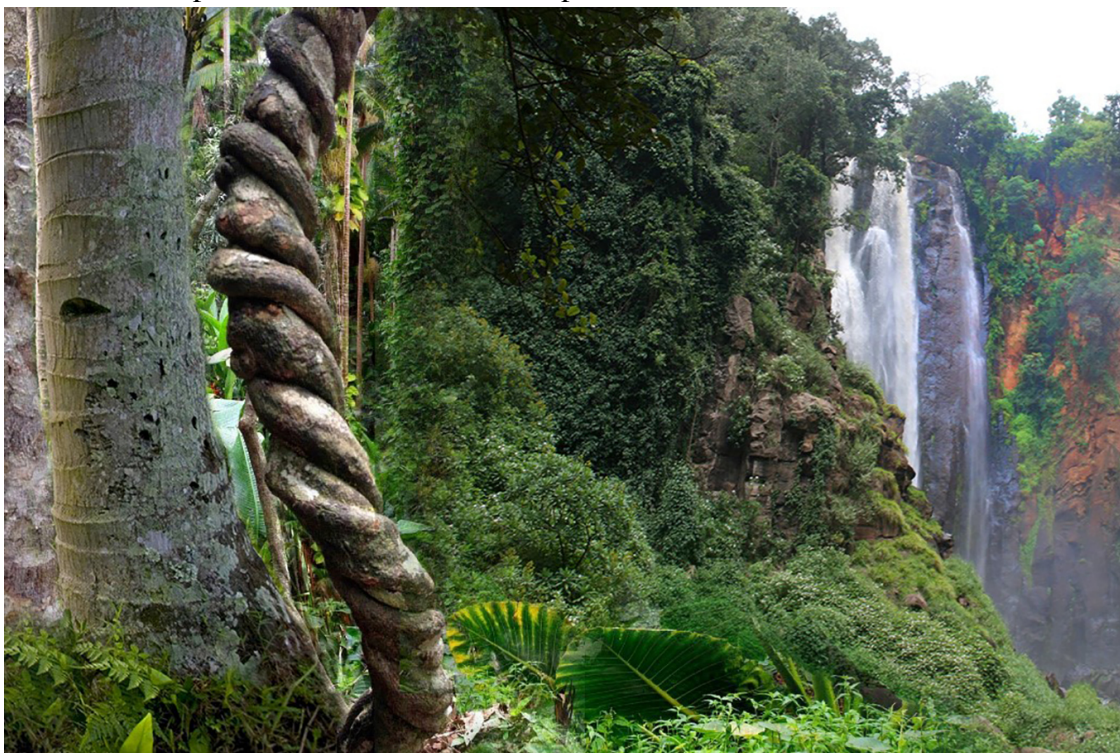
сельве одному, без такого провожатого, опасно — можно с кем-то не поздороваться, обидеть ненароком, за что и прилетит симметричный ответ.

— Будь осторожен, — предупредил Пома, когда мы проходили рядом с ямой, края которой маскировались травой.

Почему-то вспомнились древние охотники, которые загоняли животное в яму и потом забивали камнями, но Пома пояснил, что здесь черпали золото. Копали землю, накладывали ее в мешок, сшитый из шкуры ламы, тащили к ручью, высыпали на плоский камень, направляли на него воду, которая вымывала землю, оставляя на камне крупницы солнечного металла. Сегодня технология не изменилась — все то же самое. Кстати, у нас на Урале по лесам и горам немало подобных ям-закопушек, выбитых кайлушками горщиков.

Мы остановились перед мощным деревом, его ствол и ветви были опутаны коричневой узловатой лианой с гроздьями водянисто-красных ягод.

— Приветствую тебя, Мать Растений, Лоза Мертвых, Учитель и Наставница народа кечуа, — Пома поклонился, и прежде чем обратиться с просьбой дать лозы, задобрил Айяуаску чичей, плеснув под корень из бутылочки. Единым взмахом ножа туми отполосовал побег, разрезал его на две неравные части, положил в корзины.

Мать растений

— Без чакруны нельзя — они дружат с Матерью, — сказал Пома, и мы еще час блуждали по сельве, пока не нашли высокую кустистую траву с метелкой белых, похожих на белену, цветочков. — Для крепости духа и силы сердца, которые тебе наверняка понадобятся, дедушка советовал камалонгу. — Вскоре мы нашли и камалонгу, корзинки наполнились нужными растениями, и мы поспешили к дому.

Вернулись к обеду, в животе урчало, и я бы не отказался хотя бы от скромного английского завтрака, но Пома почему-то не приглашал к столу.

— Уж не собираешься ли ты уморить меня голодом? — высказал я ему.

— Сильно далеко собрался, путешественник, — посмеялся Пома, — хочешь вернуться обратно — постись. Такое условие.

Ладно, я сел в аджрасану (позу ученика), показывая, что готов к путешествию. Куда там, ещё потребовалось часа четыре, чтобы приготовить зелье. Онкологическая крутила веретено, пряла и никуда не торопилась. Наконец Пома разлил травяной отвар в калebasки (сосуд из тыквы-горлянки). Мне из одного котла, онкологической — из другого. Коори-Солнце вынесла два пластмассовых тазика.

— Для глистов, — пояснил Пома. Раскурив зеленую сигару мапачо, запел икарос, налаживая канал с духом Айяуаски. Я отпил несколько глотков, это было довольно терпкое и горькое пойло. Шаман окурил дымом онкологическую и меня, затем по кругу весь двор.

Через полчаса я почувствовал приятное тепло у самого копчика, в муладхаре (чакре жизни). Горячая волна поднялась вверх по позвоночнику, дошла до анахаты (сердечного центра) и разлилась всепоглощающей Любовью ко всему и вся, даже к глистам, которые могли прижиться и у меня (дай бог им здоровья!) — чем я хуже других?! Я уже не слышал камлания, был в ладу со всем миром и, самое главное, с самим собой. Из сизого кокона дыма ослепительно — как молния из черной грозовой тучи — стрельнула искорка. Зажмурился от боли в глазах — два изумрудных глаза смотрели на меня. Прояснилась головка стрекозы цветного камня, крылышки — витражные узоры серебра со слюдяными вставочками. Стрекоза сидела на початке кукурузы, зрелые зерна и волокна золотые, а стебель и листочки — серебряные. Передо мной открылось целое поле такой кукурузы, за ним росли деревья из золота и серебра, и паслось 20 золотых лам с юным пастухом, тоже из золота. Золотые девы собирали с золотых яблонь золотые плоды. Я смотрел на дивные цветы, на бабочек, жучков, ящериц и змей. Передо мной предстал во всем своем великолепии Сад Солнца, солнечно сияли золотом стены храма Кориканча... Ласкал слух мелодичный перезвон золотых лепестков и серебряных листьев, соединялся в божественную мелодию, неудержимо влекущую в горнии пределы Гармонии и Творчества... Не в тему, сбивчиво, разрушительно грубо вдруг зазвучала ария Риголетто, как выразилась бы моя культурно образованная бабушка, — дым мапачо рассеялся — и мне представилась совсем иная картина: онкологическая рыгала в пластмассовый тазик. Пома, склонившись над ней, увещевал рыгать больше, от души, чтобы вышли все глисты до одного. Но она сказала, что с нее хватит рыгать и блевать, и потребовала туалетной бумаги. Пома пошел в дом за туалетной бумагой. Э-э, какой мультик испортили! Я подумал, что маловато выпил, поэтому картинка оказалась нестойкой, — и выцедил, что оставалось в котелках, все до последней капли. Картинка мгновенно появилась снова, но другая...

Небесная пума

Сквозь брешь в дымовой завесе виднелась речка, над ней покачивался мостик, тот самый, по которому мы переправлялись, идя в сельву, и не совсем тот — этот реял над водой без всяких видимых опор, если не считать опорами разбросанные по траве и воде клочья табачного дыма мапучо. Огромная черная собака смотрела на меня, шумно дыша; красный язык подрагивал, с кончика скапывала слюна. С собаками у меня хорошие отношения, в доме всегда живут две–три, и я без опаски ступил на хлипкие доски. Они пружинили подо мной и качались, готовые от легкого ветерка сорваться и отлететь куда-нибудь в Тридевятое царство. Шагалось трудно, преодолевал плотное сопротивление воздуха. Еще слышал, как ругается Пома: «Чертов путешественник! До чего, сука, жадный! Выпил, капли не оставил и ушел!.. Где искать, одна Айяуаска знает!» Слова печатались в сознании как-то ватно, будто сквозь стену, и меня не задевали. Было тревожно на душе и вместе с тем неудержимо тянуло на другой берег, в слепящий, залитый солнцем мир. Когда глаза немного привыкли к яркому свету, я увидел себя не в сельве, как ожидал, а на склоне пологого лысого холма. По косогору рядами стояли палатки, у которых копошились индейцы. Когда я приглядывался к ним, они тоже оборачивались и смотрели на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.